

10. Рябцев А.М. Административно-правовые проблемы обеспечения прав человека органами милиции : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14. М., 2001.

11. Серегин А.В. Советский общественный порядок и административно-правовые средства его укрепления : учеб. пособие. М., 1975.

12. Трахименок С.А. Социально-правовые проблемы обеспечения безопасности государства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01/ Минск, 1998.

13. Трахименок С.А. Социально-правовые проблемы обеспечения безопасности государства : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. Минск, 1998.

Дата поступления в редакцию: 19.07.10

УДК 347.1

Л.М. Орлова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-го и трудового права Академии МВД Республики Беларусь

НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ СДЕЛКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ИХ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Рассматриваются понятие и сущность, условия действительности сделки, недействительные сделки и правовые последствия их недействительности. Дан анализ материалов судебной практики по теме исследования. Анализируются точки зрения различных авторов, касающиеся недействительных сделок.

The concept and essence of a transaction, conditions of validity of a transaction, invalid transactions and legal consequences of their commission are considered in the article. The analysis of the materials of court practice on the theme of research is given in the article.

Одним из распространенных юридических фактов является сделка, она служит основанием возникновения обязательств и занимает особое место. Статья 154 Гражданского кодекса Республики Беларусь определяет сделку как действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязательств. Вместе с тем сделкой является не всякое действие, а лишь правомерное, совершенное в соответствии с требованиями законодательства. Неправомерные действия лица, нарушающие закон или не соответствующие ему, не являются сделкой. Не всякое правомерное действие является сделкой, а только то, которое направлено на достижение определенных правовых последствий.

В этом ее отличие от иных правомерных юридических действий, в частности от юридических поступков, которые влекут за собой возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений независимо от того, было ли данное действие направлено на эти последствия или нет.

Правовые последствия могут быть различными. Они могут повлечь за собой возникновение у сторон сделки определенных прав и обязанностей, их изменение или прекращение, поэтому вряд ли можно признать односторонней сделкой действие одной из сторон договора, направленное на его прекращение (расторжение), хотя в судебной практике этот вопрос решен неоднозначно. Фирма «А» – инвестор заключила с фирмой «Б» – заказчиком договор о долевом строительстве в многоярусном гараже-стоянке.

В связи с нарушением своих обязательств по договору фирмой «А» фирма «Б» в одностороннем порядке расторгла договор. Фирма «А» предъявила фирме «Б» иск об установлении ничтожности односторонней сделки о расторжении договора. Суд отказал в удовлетворении иска, указав, что односторонний отказ от исполнения договора рассматривается как самостоятельный предмет оценки вне установления факта его ничтожности и действия ответчика, направленные на одностороннее расторжение договора, не являются сделкой, а были осуществлены в соответствии со ст. 420 ГК.

Однако Высший хозяйственный суд в своем разъяснении посчитал, что односторонний отказ от исполнения договора является сделкой в соответствии со ст. 154 ГК, с чем вряд ли можно согласиться. С нашей точки зрения, более обоснованным является решение суда низшей инстанции и точка зрения В.Н. Годунова, который в своих рекомендациях по вопросам применения законодательства указал, что действие одной из сторон сделки, направленное на ее прекращение (расторжение), не является односторонней сделкой, так как односторонняя сделка как действие, направленное на установление, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей, отличается от осуществления сторонами своих прав по уже заключенной сделке (договору). Односторонний отказ от исполнения договора (одностороннее расторжение договора), когда это предусмотрено законодательством или договором, должен рассматриваться в рамках заключенного договора.

Это положение находит свое подтверждение в разъяснении постановления пленума Высшего хозяйственного суда Республики Беларусь от 16 декабря 1999 г. № 16.

Направленность сделки на определенные юридические последствия означает, что это действия волевые, целенаправленные, поэтому при ее заключении существенное значение имеет единство воли и волеизъявления в сделке, когда внутренняя воля находит свое внешнее объективированное выражение. А так как сделка – волевое действие, направленное на определенные правовые последствия, ряд требований закон предъявляет к участникам сделки. Одно из таких требований – наличие у субъекта, совершающего сделку, определенной правосубъектности (правоспособности и дееспособности). В юридической литературе некоторые авторы подразделяют неправопоспособность на два вида: установленная для охраны личности неправопоспособного или для охраны общества от действий неправопоспособного [4]. Действующим законодательством предусмотрены случаи признания недействительными сделок, связанных как с охраной личности недееспособного, так и с охраной общественных интересов (ст. 169 и 170 ГК).

Между этими статьями есть существенные различия. Сделка, признанная недействительной в соответствии со ст. 170 ГК как запрещенная законодательством, характеризуется наличием умысла хотя бы у одной из сторон сделки и пониманием противоправности последствий сделки и желания или допущения их наступления. В случае отсутствия такого умысла сделка признается недействительной на основании ст. 169 ГК.

Неодинаковы и правовые последствия признания сделки недействительной по ст. 169 и 170 ГК.

При признании сделки недействительной по ст. 169 ГК как не соответствующей законодательству чаще применяется двухсторонняя реституция. Правовые же последствия признания недействительной сделки, совершение которой запрещено законодательством, в случае ее исполнения при наличии умысла лишь у одной из сторон, влечет за собой взыскание всего полученного или причитающегося ей в доход государства. Другой же стороне возвращается все, что она отторгла по сделке. Наличие умысла у обеих сторон в случае исполнения сделки обеими сторонами влечет за собой взыскание всего полученного ими в доход государства.

Анализ материалов судебной практики дает возможность сделать вывод, что при рассмотрении исков о признании сделок недействительными по основаниям, предусмотренным ст. 169 ГК – несоответствие сделки законодательству и ст. 170 ГК – совершение сделки, которая запрещена законодательством, на практике нет четкого разграничения, в каких случаях подлежит применению ст. 169 или ст. 170. Поэтому вряд ли можно согласиться с решением суда по иску налоговой инспекции Борисова о признании сделки между предприятием «Р» и ОДО «С» недействительной, как сделки, не соответствующей законодательству. Основанием данного иска послужил тот факт, что на момент заключения сделки ОДО «С» не существовало как субъект хозяйствования, так как не было зарегистрировано в установленном порядке. Суд, признав данную сделку недействительной по ст. 169 ГК как не соответствующую законодательству, взыскал с ответчика все полученное по сделке в доход государства. При пересмотре дела надзорная инстанция обоснованно указала, что данную сделку следует признать недействительной, совершение которой запрещено законодательством. Тогда и взыскание всего полученного по сделке в доход государства не будет противоречить решению суда, поскольку данный субъект хозяйствования в момент заключения сделки не существовал, т. е. не обладал правоспособностью, а поэтому не мог совершать сделки.

Согласно ч. 3 ст. 45 ГК правоспособность юридического лица возникает в момент его создания, а созданным юридическое лицо считается с момента его государственной регистрации (ч. 2 ст. 47 ГК). К числу недействительных сделок законом отнесены сделки, совершенные представителем юридического лица с превышением полномочий.

Вряд ли можно согласиться с решением Высшего хозяйственного суда об отказе АКБ «Дукат» о признании недействительной сделки купли-продажи объекта коммунальной собственности в связи с тем, что договор был подписан директором филиала АКБ «Дукат» в Могилеве и одобрен Могилевским областным исполнительным комитетом.

В соответствии с действующим законодательством филиалы как обособленные подразделения юридического лица, расположенные вне его местонахождения, осуществляют все или часть его функций, в том числе функции представительства, а руководитель филиала действует на основании доверенности, выданной юридическим лицом (ст. 51 ГК). В данном случае директор филиала превысил свои полномочия, приобретая недвижимость без согласия АКБ «Дукат».

Согласно ст. 184 ГК сделка, совершенная от имени другого лица без полномочий или с превышением полномочий, создает, изменяет и прекращает гражданские права для представляемого лишь в случае ее прямого одобрения представляемым. Представляемым в данном случае является банк «Дукат», а не Могилевский областной исполнительный комитет, который одобрил сделку. Однако для признания сделки действительной необходимо не только наличие у участников сделки правоспособ-

ности и дееспособности, соответствия содержания сделки законодательству, облечения ее в надлежащую форму, но и совпадение воли и волеизъявлению участника сделки [1, с. 479].

Нарушение данного условия сделки влечет за собой ее недействительность. Данное положение находит свое подтверждение и при анализе судебной практики.

Суд Минского района рассмотрел дело по иску Д.А. и Д.В. и Л. об установлении ничтожности договора дарения жилого дома № 86 по ул. Центральной и о признании действительности договора купли-продажи, который фактически был заключен. В обоснование исковых требований истец Д.А. пояснил, что в браке с ответчицей Д.В. он приобрел у Л. жилой дом № 86, передав ей 43 млн р. Однако Д.В. и Л. заключили договор дарения жилого дома № 86, о чем истец узнал лишь после развода с Д.В., когда встал вопрос о разделе дома как имущества, приобретенного во время нахождения в браке.

Истец Д.А. просил суд признать договор дарения дома, заключенный Д.В., недействительным, как сделки, прикрывающей куплю-продажу дома, а также недействительность государственной регистрации дома на Д.В.

Суд обоснованно признал договор дарения дома, заключенный между Л. и Д.В., ничтожным на основании п. 2 ст. 171 ГК как притворной сделки, совершенной с целью прикрыть другую сделку, которую стороны фактически совершили, и признал действительным договор купли-продажи дома и право собственности за Д.А. на ½ долю дома № 86, так как в соответствии со ст. 23 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье имущество, нажитое супругами в период брака, является их общей совместной собственностью. В силу ст. 24 Кодекса о браке и семье в случае раздела имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, их доли признаются равными, если иное не предусмотрено брачным договором.

Проблема соотношения внутренней воли и волеизъявления в сделках, недействительность которых обусловлена пороками воли, в цивилистической литературе решается по-разному. Одни авторы предлагают брать за основу содержание внутренней воли [3], другие отдают первенство волеизъявлению [2], третьи считают, что необходимым условием действительности сделки является соответствие волеизъявления внутренней воле [5]. Следует признать более убедительной точку зрения В.П. Шахматова, так как и закон связывает недействительность сделки не только с отсутствием или ненормальным формированием внутренней воли, но и с ее неправильным отражением в волеизъявлении, когда между нормально сложившейся внутренней волей и волеизъявлением отсутствует необходимое единство.

К недействительным сделкам относятся мнимые сделки, которые лишь при внешней видимости воли и волеизъявления фактически отсутствуют, так как совершаются они лишь для вида, без намерения создать юридические последствия. Цель и правовой результат в такой сделке не совпадают. Сделки такого рода совершаются с целью создать видимость правовых последствий, не желая их наступления в действительности. Совершая волеизъявление, не соответствующее их действительной воле, они вводят в заблуждение лиц, которые знают о совершении сделки. Чаще всего такие сделки заключаются с незаконной целью, что подтверждает и анализ судебной практики.

Суд Минского района признал сделку дарения, заключенную Д. и Е., недействительной на основании ч. 1 ст. 171 ГК как мнимую сделку, которая не повлекла за собой соответствующие юридические последствия. В судебном заседании было установлено, что Д., желая избежать конфискации имущества в связи с возбуждением против него уголовного дела, оформил договор дарения автомобиля на своего родственника Е. В действительности автомобиль оставался в его пользовании и право собственности к Е. не перешло. Д. был заинтересован в создании видимости перехода права собственности к Е. для следственных органов.

Вместе с тем хозяйственный суд Витебской области обоснованно отказал в удовлетворении исковых требований ИГНК к ООО «Вит-Ойл» о признании договора купли-продажи недействительным на основании ч. 1 ст. 171 ГК как мнимой сделки. В обоснование своих требований инспекция сослалась на объяснения допрошенного по уголовному делу в качестве свидетеля директора ООО «Вит-Ойл» и сообщение ОВД. Однако в ходе рассмотрения дела установлено, что договор фактически состоялся и его мнимость носит предположительный характер. Ввиду непредставления инспекцией дополнительных доказательств совершения сторонами мнимой сделки суд отказал в удовлетворении иска.

Библиографические ссылки

1. Гражданское право : учебник / под ред. В.Ф. Чигира. Минск : Амалфея, 2008.
2. Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. М., 1954.
3. Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. Л., 1960.
4. Савотье Р. Теория обязательств, юридический и экономический очерк. М. : Прогресс, 1972.
5. Шахматов В.П. Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия. Томск, 1967.

Дата поступления в редакцию: 16.07.10